

А. И. ВОЛКОВ
РЕВАНШ И ТОРЖЕСТВО НОВОГО КЛАССА

ВОЛКОВ Александр Иванович - доктор экономических наук, профессор.

Анализируя результаты последних парламентских выборов, я писал о реванше "нового класса". Нет, не "новых русских". И не "среднего класса", о котором мы так размечтались. Это была победа сил, впервые описанных почти полвека назад югославским политическим деятелем Милованом Джиласом в книге, которая так и называлась "Новый класс". О ней уже как-то позабыли, а зря.

В самом деле, на тех выборах начисто проиграли правые, сильно уступили позиции левые. Кто же выиграл? Говорили - центр. Но что такое в нашем случае центр? Нечто характеризующее пространственно? Середина между правыми и левыми? И то, и сё, либо ни то, ни её? На первый взгляд так это и представлялось - будто это некая сила без идеологии. Но как только стала оформляться Дума, множество депутатов, прежде объявлявших себя независимыми или сторонниками неких партий, но не "Единой России", бросились со всех ног к ней в объятия, влились в центристскую фракцию. И она мгновенно разрослась до того, что стала господствующей в Думе абсолютно, и способна, как мы вскоре убедились на практике, провести любые угодные ей законы.

Что же побудило депутатов поступиться принципами и броситься в объятия победителей? Если отвлечься от личных мотивов каждого из них, станет ясно: это - любовь к власти. Сказать мягче - стремление быть причастным к ней. Ведь "Единая Россия" еще до выборов объявила себя партией власти. Но не в том смысле, что к таковой стремится, это присуще любой политической партии, а в том, что поддерживает уже существующую власть - президента. На поддержке лично г-на Путина строилась вся предвыборная кампания и последующие действия центристской организации. Когда начался "дележ" кресел в думском зале и когда, словно в детской игре, все ходящие вокруг них бросились захватывать места, стало много яснее, что за сила стала в России правящей и какова ее идеология. Тут и вспомнился М. Джилас.

"Коммунистическая революция, совершавшаяся во имя уничтожения классов, — писал он в своей знаменитой книге, - привела, не в пример прежним революциям, к сверхгосподству исключительно одного нового класса". Этот новый класс - бюрократия, а точнее сказать - политическая бюрократия. Он не только несет в себе все черты прежних классов из истории человеческого общества, но и выделяется определенной самобытностью, новизной. Свое могущество, привилегии, идеологию, привычки новый класс черпает из некоей особой формы собственности. Это - коллективная собственность, прежде всего - государственная, то есть та, которой он управляет и которую распределяет "от имени" нации, "от имени" общества. Таким образом власть непосредственно конвертируется в собственность и обеспечивает властителям все возможные блага.

Можно ли сказать то же самое теперь, когда в нашем обществе вроде бы восторжествовала частная собственность? Структура нашей экономики, говорит Игорь Юргенс, предопределяет то, что бизнес и власть должны выстраивать некие отношения, поскольку 70% ВВП страны производится на частных предприятиях и только 30% - на государственных. Выходит они вроде бы равноправные партнеры. Но так ли это? Джилас как раз писал, что на деле собственность нового класса проявляется в виде исключительного права, монополии партийной, политической бюрократии на распределение национального дохода, регламентацию уровня доходов, выбор направлений хозяйственного развития, а также - как распоряжение национализированным и другим имуществом. Лишились всего этого наши сегодняшние бюрократы?

Джилас задавался вопросом: какова же идеология нового класса? Тогда декларировалось - коммунистическая, что преподносилось как рай на земле для всех. Но это

было недостижимо, по крайней мере, немедленно, и новому классу приходилось "не смыкая глаз" думать об укреплении своей власти и собственности, непрестанно уклоняясь от истины и все упорнее доказывая, что он успешно руководит созданием общества равноправных и счастливых людей. Подобная практика неминуемо должна была вооружить государственные, в том числе полицейские органы крайне изощренными и бесцеремонными методами борьбы, ибо, с одной стороны, необходимо было сохранять форму законности, а с другой, - обеспечить монополию правления. Главным образом по этой причине законодательная власть в коммунизме не могла отделиться от исполнительной. Точно так же практически невозможно было отделить власть полицейскую от судебной. Судят и исполняют приговор де-факто те же, кто арестовывает. Замкнутый круг: одна и та же исполнительная и законодательная власть, одни и те же следственные, судебные и карательные органы. Общеизвестны бессодержательность и помпезность коммунистических выборов, "скачек с участием одной лошади".

Эта краткая характеристика нового класса составлена почти буквально из цитат, извлеченных из книги Джиласа. Естественно возникает вопрос: какое отношение это имеет к сегодняшнему дню? Ведь потерпела крах коммунистическая идеология, по крайней мере, на государственном уровне, изменилась политическая система, став многопартийной, в стране, как уже говорилось, обрела права частная собственность. То есть у джиласовского нового класса, кажется, выбита почва из-под ног. Однако вспомним нечто очень существенное: коммунистическая система работала в условиях, когда неизбежен или приемлем и по-своему эффективен был мобилизационный режим - война, индустриализация и другие чрезвычайные обстоятельства, которые порой и порождались этим режимом. Но она оказалась совершенно несостоятельной в относительно стабилизировавшихся обстоятельствах, пришла к тупику. Новый класс с большим запозданием, но осознал это и сам начал реформирование системы. Более того, он, можно сказать, перестроил и даже диверсифицировал сам себя.

Социолог О. Крыштановская писала, что надо отдать должное нашей бюрократии: она приняла на себя всю тяжесть перестройки не только политической системы, но и экономики. Да, новый класс выделил из своей среды и демократов, таких, как Ельцин (или Кравчук, Шушкевич), и крупных капиталистов, банкиров, назначил "олигархов". И он, по сути, не отдал никому ни собственности, ни власти, основательно изменив условия жизни населения.

Конечно, какие-то предприимчивые люди "со стороны" тоже воспользовались ситуацией и преуспели. Но это все же была революция сверху. Наверху проходила вся борьба разделившегося на кланы нового класса за власть и собственность. Необходимость считаться с разбуженными массами, возмечтавшими о многом и вышедшими на улицы, на стадионы, подвигала трансформировавшийся класс к созданию демократических институтов, рынка, даже формированию гражданского общества. Так новый класс самосохранился.

Его гены живы сегодня во всех тех партиях, которые вошли в Думу. Что властные, что привластные, что оппозиционные. Все они привержены державничеству, государственности, что и влечет за собой во внутренней жизни усиление контроля государства над собственностью, над рынком, следовательно - над гражданским обществом, а вместе с тем - прилив национализма и осложнение отношений с внешним миром. Именно потому, что у власти остается, хотя и модифицированный, но тот же по существу новый класс, не удастся, сколько об этом ни говорят, разделить власть и собственность, политику и экономику. У классического капиталиста "время - деньги". У нового класса власть - это деньги. Поэтому перспективы в этой сфере представляются не лучшими. Также не удастся по-настоящему разделить законодательную и исполнительную власть, а теперь никто и не спорит, что они слились еще теснее. По-прежнему, хотя, быть может, не столь откровенно, как раньше, государство опекает судебную власть, не давая ей свойственной последовательной демократии, полной самостоятельности. Ну, о "четвертой власти", то-бишь СМИ, и говорить не стоит: гайки здесь закручены, можно сказать, до упора.

Многое еще найдется общего в прошлом и сегодняшнем новом классе, способах его господства, если все проанализировать внимательнее. А о торжестве нового класса речь идет потому, что тенденции последнего времени, все отчетливее проявляющиеся в России, говорят об упрочении силы и общественной роли современной бюрократии.

тии, в том числе и в качестве хозяина собственности. Об этом свидетельствует последовательное строительство вертикали власти, а также "дожимание" оппозиции и фактическое устранение политической конкуренции, свертывание демократических свобод, передача власти по наследству внутри сложившегося клана (прежде его называли "семьей"). Высшие государственные чиновники, "государевы люди" непосредственно управляют гигантскими капиталами, хозяйствуют в таких компаниях, как Газпром и Сибнефть. Используя рычаги государства, они направляют в свою сторону денежные потоки. Приходя во властные органы, даже демократически избранные руководители, не говоря уже о назначенных, вопреки закону, либо открыто, либо через родственников, занимаются бизнесом, используют для его успеха свое должностное положение.

Характеризуя новый класс. Джилас писал: с осознанием, что власть, то есть распоряжение национальной собственностью, несет с собой все блага мира сего, неизбежно расцветают грубый карьеризм, двуличие, подхалимаж, завистничество. Теоретически путь вверх открыт всем. Как когда-то у Наполеона любой солдат в ранце за спиной носил маршальский жезл, да вот получить его в руки удалось единицам. Тут от человека ждут лишь одного - неподдельной, глубокой, всемерной преданности партии (читай - новому классу и его вождям). А этого-то как раз тяжелее всего достичь. Новый класс - как конус: широкий в основании, он, приближаясь к вершине, все сильнее и непрístupнее сужается. Для восхождения по нему мало воли, необходима еще способность понимать и "двигать" доктрину, нужна решительность в борьбе с противниками, исключительная изворотливость и хитроумие во внутривластных баталиях, мастерство и даже талант при укреплении позиций класса. Много званных, да мало избранных. Новый класс, если сравнивать с прежними собственническими классами, одновременно и более открыт, и более недостижим. А поскольку одной из коренных его особенностей является монополия власти, такая недостижимость лишь усиливается иерархическими бюрократическими предрассудками... Что ж, наверное, и эти черты, едва ли даже смягченные, мы обнаружим и в современном новом классе. А дальше - читайте Джиласа, он издан теперь на русском языке, и, думаю, далеко не во всем устарел.

Вместе с тем, появилось и нечто новое, то, что в современной политэкономии, так называемой теории общественного выбора, называют *Rent-seeking behavior* - это поведение, ориентированное на поиск ренты. Речь идет о ренте особого рода - стремлении и умении извлечь выгоду, например, из монопольного положения предприятия, которое искусственно создается кем-то за определенную мзду, но не за счет иных затрат, традиционных инвестиций, лучшей организации дела. Существо ренты такого рода российскому гражданину легче всего понять через "откат". Это понятие становится господствующим в отношениях самого разного рода - и в государственных структурах, и вне их. Вся государственная система строится на принципах извлечения такой ренты, и для чиновничества это основной источник дохода.

Что можно сделать уже теперь для ограничения господства нового класса, для сдерживания его appetitов? Говорят, что главное - это минимизировать вмешательство государства в экономические отношения. Если на любом государственном рычаге можно паразитировать, то, если этого рычага нет, паразитировать не на чем.

Наверное, это в принципе правильно. Однако мною владеет чувство глубокого пессимизма, усиленное сегодня результатами выборов разного уровня. Мне представляется, что невозможно противостоять новому классу, пока на выборы ходит всего лишь треть граждан, а из голосующих без малого половина выбирает себе в законодатели и руководители как раз элиту нового класса, наиболее последовательных и откровенных носителей его идеологии. И пока огромная масса населения привержена личной власти отдельного человека, президент он или генеральный секретарь партии, сформулированная некоторыми социологами (например, В. Гуциным) задача перехода от борьбы за власть к борьбе с властью, равно и брошенные мимоходом слова, что главная задача - "борьба с самодержавием", не кажутся мне ни эпатажными, ни легкомысленными. Мне только представляется, что революционный путь кровав и разрушителен, а потому до какого-то крайнего состояния общества не приемлем, а путь демократии в современных условиях не реален. Наша демократия неизменно рождает авторитарного вождя, как та фабрика из анекдота, которая производит вроде бы швейные машинки, но при сборке из произведенных ею деталей получается только пулемет.